

Орфей Мендесс

Фарман из Арава

Орфей Мендесс

Фарман из Арава

«Автор»

2026

Мендесс О.

Фарман из Арава / О. Мендесс — «Автор», 2026

Орфей Мендес был лучшим инженером Марса — пока не шагнул в разрыв пространства и не оказался там, где нет ни времени, ни света. Он мог остаться в этой тишине навсегда и стать тем, кого древние называли богом. Он отказался. Познание мертво, если его не с кем разделить. Он вернулся — через двести пятьдесят четыре года, в чужую эпоху, на планету вечного заката, где люди разучились слушать металл. Здесь его имя — строчка из учебника. Его наследники — лавочники, торгующие разбавленными копиями его же открытий. А в его теле остался чужой дар. У него нет ни денег, ни документов, ни корабля. Только руки, помнящие, как чинить невозможное, и вопрос, на который никто не ответит: где Айрин — женщина, с которой он вошёл в разрыв?

© Мендесс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Лоно Пустоты	5
Глава 1. Сумерки Флоранады	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Орфей Мендесс

Фарман из Арава

Пролог. Лоно Пустоты

Можете ли вы представить себе абсолютное ничего? Что это? Этим вопросом задавались философы, физики и мыслители на протяжении всей истории. Человек, ввиду своей природы, привыкший жить в пространстве и давать имена всему, что его окружает, просто не способен вообразить, что было до всего. До Вселенной, до появления времени, пространства, материи. Просто не способен. Однако мы попытаемся.

Древние греки называли эту первобытную субстанцию Хаосом, скандинавы — Гиннунгагап, китайцы — У-Цзи, а индусы — Насадия-сукта. А на языке науки ничто — это нульмерное состояние, в котором нет пространства как явления, в котором время не стоит на месте, а отсутствует как координата. Когда люди научились проходить сквозь ничто, строя Врата, они назвали его Интерстицием, другие назвали его Аравá. Абсолютная изнанка реальности. Изначальная сингулярность, отрицающая бытие.

Если бы кто-то мог оказаться в этом не-пространстве, он бы не увидел тьмы. Это не был бы черный вакуум космоса, ведь для существования вакуума нужна среда. Свет здесь не существует — для него нужна хотя бы одна метрическая ось, а их там просто нет.

Люди боятся вакуума, но вакуум полон жизни: в нём дрожат кванты и рождаются ложные частицы. Истинное ничто, бывшее до начала времён, гораздо страшнее. В нём не было даже темноты, потому что некому было ослепнуть. Оно служило идеальным противовесом бытию — монолитное, нерушимое отсутствие всего. И шрам, который мы сегодня зовём нашей Вселенной, стал первой и единственной раной на его теле.

Но сейчас — хотя это не было определенным «сейчас», «потом» или «тогда», это было условное мгновение, созданное исключительно для восприятия наблюдателя — здесь находился человек. Единственный за всю историю Экумены и человечества в целом. Орфей Мендес. После того, как он направил импульс Туннельной пушки в ядро Совета Разума на Плутоне, он тоже должен был сгореть, провалившись в созданную им же рукотворную сингулярность. Он должен был исчезнуть.

Здесь не было темноты, потому что темнота — это лишь отсутствие света, предполагающее, что свет когда-то существовал или может родиться. Здесь не было времени, ибо нечему было стареть.

Орфей Мендес открыл глаза.

Первое, что он ощутил — абсолютный покой собственной плоти. Не было привычного скрежета в костях, не зудела обожженная антиматерией кожа, не пульсировал раскаленной иглой правый висок. Он находился в невесомости. Орфей поднял руки к лицу. Пальцы были гладкими, теплыми, на них розовела здоровая человеческая кожа — никаких перламутровых шрамов, никакой звездной пыли. Он осязал свое дыхание. Он был человеком. Обычным, уязвимым, собранным заново из первородной глины.

Он висел внутри гигантской, словно выдутой из чистейшего горного хрусталя стеклянной сферы. По её внутренней поверхности ползла густая паутина тончайших трещин, и из этих разломов сочился тусклый, мертвенно-фиолетовый свет. Это был крошечный пузырь условной трехмерности посреди чистого «Ничто».

А прямо перед его грудью, медленно вращаясь, парил небольшой металлический блок. Орфей протянул руку и сжал его. Металл был ледяным. Это было то самое устройство, которое Айрин закрепила на его броне за несколько дней до их полета к Плутону. Её пальцы тогда

дрожали, когда она затягивала крепления. Именно эта нелепая, собранная на коленке железка сейчас служила якорем. Она держала его квантовое состояние, не давая распасться на волны вероятностей, удерживая его бытие там, где бытие отрицалось фундаментально.

Вдруг стеклянная сфера вздрогнула. По фиолетовым трещинам пробежала рябь.

Сквозь стенки сферы, сквозь абсолютную пустоту и прямо сквозь тело Орфея начали проходить тени. Врата. Они открывались и закрывались где-то в немыслимой дали реального космоса, но здесь их изнанки пересекались. Сквозь Орфея, не замечая его, беззвучно скользили колоссальные туши транспортов, решетчатые фермы колонизаторов, сверкающие корпуса фрегатов. Он оказался замурован на обочине космического шоссе, сквозь которое непрерывным потоком текла материя.

Вместе с кораблями сквозь него шли мысли. Обрывки фраз, паника, усталость, приказы — вязкий, сводящий с ума гул миллионов разумов.

Сначала это был светлый, почти наивный гул прошлого. Заря открытий. *«...координаты стабильны... Сумеречный Эдем... Врата на Рифт открыты... Проксима Центавра дает вспышку, корректирую щиты... мы первые, Господи, мы прошли...»*

Но затем тени кораблей стали угловатыми, рваными, избитыми метеоритами. Голоса скручивались в спирали, сливаясь в абсурдную, пугающую какофонию эпох, отстоящих от Орфея на тысячи лет. В его голове кричали люди из далекого, задыхающегося будущего: *«...Чёрный Рой разрезал вектор! Полярные лучи изолированы!.. Где архивы О.В.Т.?! Почему молчит Цейлон?.. Ищите чертежи ДВС, нам нужны двигатели внутреннего сгорания, идиоты, термояды остывают! Нет запчастей... Голограммы сбоят... Мы заперты, мы отрезаны...»*

Этот крик затухающей цивилизации был невыносим, он пах машинным маслом, отчаянием и пылью мертвых планет, погружающихся во тьму. Орфей зажмурился, вцепившись обеими руками в устройство Айрин.

И тут всё стихло. Тени кораблей растворились. Фиолетовые трещины замерцали ровным, давящим светом. Густую, звенящую тишину нарушило чужое присутствие. Оно не имело формы. Оно было самым этим не-пространством, огромным, неповоротливым и бесконечно равнодушным.

— *Ты очнулся, странник,* — раздался сразу отовсюду и прямо в голове неопределенный голос.

Однако, этот голос Орфей знал. Он слышал его в марсианских катакомбах, на ледяных пустошах Деймоса, в гуле генераторов антиматерии. Но тогда это был грохот чудовищного левиафана за тонкой переборкой реальности. Сейчас же голос звучал кристально ясно. Без гнева. С бесконечным, холодным любопытством.

— Где я?... — выдохнул Орфей. Его голос прозвучал подозрительно звонко под стеклянным куполом. — Кто ты?

— *Ты называл меня «Оно». Древние народы твоей колыбели шептали имя Гиннунгаган — зияющая бездна до сотворения миров. Интерстенций. Сердце великой сингулярности. Я — тишина, из которой рождаются вселенные, и могила, Гадес для звёзд, в которую они возвращаются, исчерпав огонь. За всю вечность ни одна низкоэнтропийная искра плоти не могла пробить кору бытия и войти в мое лоно целой. Но ты... Ты сделал это, Орфей Мендес. Ты восхитил меня, что тоже не удавалось ещё никому.*

Лавинообразными вспышками посыпались воспоминания: луч туннельной пушки на носу корабля, вибрация разрываемого пространства, перегрузка систем «Дедала»... и лицо.

— Айрин! — Орфей рванулся вперед пролетел от центра где висел до края, ударившись ладонями о податливую, светящуюся стенку сферы. По трещинам побежали фиолетовые искры. — Где она?! Я в плену? Она погибла?!

Сфера качнулась. Перед взором Орфея чернота бездны дрогнула, истончилась, и сквозь нее проступило колоссальное полотно. Вся Вселенная лежала перед ним, как на ладони — сияющий водоворот сотен миллиардов галактик, светящийся клубок космической паутины, сотканный из сверхскоплений, сияющих туманностей и звездных рек. Величественная, хрупкая капля света посреди океана небытия.

— *Она не здесь, —* прошелестела Бездна. — *Она там. Жива. Ее дыхание касается звездной пыли.*

Орфей жадно вглядывался в колоссальную панораму, где целые галактики казались песчинками:

— Где «там»?! В Млечном Пути? В Андромеде? Назови сектор! Координаты! Назови звезду!

Гиннунгагап молчала. В этом молчании не было жестокости — лишь фундаментальное свойство бесконечности. Сингулярность знала факт ее существования, но масштабы материального мира были для вечности слишком суетными, чтобы делить их на парсеки и широты.

Она была *где-то там*. Затерянная среди триллионов миров.

— *У тебя есть выбор, дитя времени, —* вновь заговорил голос. — *Твой путь назад закрыт твоим собственным перерождением. Ты можешь остаться здесь. Трансцендентным разумом, парящим над рекой эпох. Ты сможешь наблюдать за рождением и гибелью видов, узреть конец собственного человечества, испытать знание, непостижимое для смертных мозгов...*

— Нет, — оборвал Орфей, даже не дослушав. В его голосе не было ни капли сомнения. Все его безумие, вся мания первооткрывателя, вся гордость ученого испарились без остатка перед простой человеческой истиной: познание мертво, если его не с кем разделить. — Мне не нужна вечность без нее. Я полюбил ее за тот же огонь, что сжигал меня самого. Верни меня.

Бездна издала звук напоминающий человеческий вздох.

— *Такова природа низкоэнтропийных существ: вы предпочитаете сгореть за миг ради иллюзии тепла. Да будет так. Я сотку тебе плоть. Я сохраню в твоих жилах эхо той силы, с которой ты переступил мой порог — иначе ты не выдержишь возвращения и ты сможешь раздеть это эхо с ней. Но помни: ты взял этот миг в долг. Высокая энтропия не отпускает насовсем. Рано или поздно ты вернешься сюда. Твой след навсегда остался в моем сердце.*

Сфера вокруг Орфея начала растворяться, превращаясь в лиловый вихрь.

— *Я не могу вернуть тебя в ту же секунду, из которой ты шагнул ко мне. Время течет в одну сторону даже для разрывов. Я направлю тебя к одному из миров твоего семени... в эпоху, близкую к твоей...*

— Стой! — крикнул Орфей, чувствуя, как его начинает затягивать в ослепительный, ревущий колодец гравитации. — Куда?! В какой год?!

— *Ищи ее среди огней свободы...*

Реальность треснула.

Глава 1. Сумерки Флоранады

Удар вышиб весь воздух из груди.

Орфей рухнул лицом в мягкую, влажную растительность. Первое ощущение — сокрушительная, чудовищная тяжесть. Гравитация словно положила ему на спину свинцовую плиту, вдавливая ребра в грунт, около 1.2g, отстраненно зафиксировал аналитический мозг, отчаянно цепляясь за привычные формулы. Воздух был плотным, влажным, сладковато-пряным, он распирал легкие непривычным давлением примерно полутора атмосфер.

Орфей перевернулся на спину, судорожно кашляя. Горло обожгло микроскопическими спорами — воздух был густо напоен пылью, пахнувшей растертой, прелой хвоей и свинцов.

Он поднял глаза к небу.

Неба Марса не было. Не было куполов Фобоса, не было бездонной черноты космоса.

Над ним застыло вечное, незаходящее солнце — желтый, ласковый диск звезды. Он смотрел приличные двадцать минут не это солнце и понял, что оно не движется, оно повисло в одной точке прямо над зубчатым горизонтом. Небо переливалось глубоким индиго и розовато-лиловым золотом, не меняясь ни на йоту. Вокруг высился исполинский лес: гигантские древовидные папоротники с широкими листьями глубокого лилово-зеленого, почти багрового цвета мягко покачивались под теплым, тяжелым ветром.

Линия терминатора. Зона вечных сумерек приливно-заблокированного мира.

Орфей сел, преодолевая давящую тяжесть планеты. Он осмотрел себя. Простая грубая рубаша и штаны, сотканые из чего-то напоминающего плотный органический шелк. Ни коммуникатора, ни сканера, ни верного «Дедала» за спиной. Ни Гамлета.

Но когда он сжал кулак, глубоко под кожей ладони, в самой структуре костей, слабо отозвалась забытая, знакомая вибрация — тонкая, как натянутая струна, пульсация скрытой энергии. Гиннунгагап сдержала слово. Он не был прежним чудовищем, но и совершенно беспомощным человеком он тоже не был. Его правый глаз видел мир чуть резче, различая тончайшие флуктуации электромагнитных полей вокруг стеблей лиловых растений.

Вдруг шелест папоротников неподалеку усилился. В сумеречную прогалину ступило существо.

Человек? Почти. Высокий, тонкий силуэт. Кожа незнакомца в мягком свете угасающего солнца отливала бархатным фиолетово-оливковым оттенком. На лице — легкий респираторный фильтр из тонкой сетки. Глаза незнакомца — огромные, приспособленные к вечной полутьме — расширились при виде лежащего на поляне чужака без защитной маски.

— Во имя Первых Домов... — голос незнакомца звучал певуче, с непривычными, тягучими интонациями, но на узнаваемом, пусть и сильно изменившемся диалекте старой Республиканской Глобы. — Кто ты, чужеземец? Как ты оказался в диких чащах сектора Шевченко без фильтра? Откуда ты упал?

Орфей медленно поднялся, пошатываясь от непривычной гравитации. Его сердце колотилось с бешеной скоростью.

— Какой... — Орфей сглотнул вязкую слюну, пытаясь совладать с пересохшим горлом. — Какой сейчас год по летоисчислению Сидонии? Или Земли? Назови мне стандартную дату!

Флоранец отступил на полшага, рука его легла на пояс, где висел изящный прибор связи, инкрустированный светящимися кристаллами.

— Ты бредишь от пылицы споровиков, бродяга. Сидония далеко за десятками световых лет. Сейчас три тысячи двести пятьдесят третий год от... от какого-то, всеми забытого, события. А ты стоишь на землях Флоранады.

3253.

Цифра ударила в сознание Орфея. Двести пятьдесят четыре года. Его эпоха мертва. Люди, которых он знал — прах. Республика, ОЗФ, Атмос, восстание на Церере — все это страницы древних учебников истории.

Лиловая трава под спиной казалась удивительно мягкой — не сухой марсианский мох, выращенный в гидропонных ваннах Сидонии и разросшийся в долинах, а настоящая, мясистая кремний-углеродная поросль чужой суперземли.

Орфей стоял. Ни облачка не скользило по этому полотну глубокого индиго; вечный сумеречный диск солнца замер над зубчатыми кронами фиолетовых папоротников, заливая мир мягким янтарно-розовым золотом. Этот цвет странным, пугающим образом повторял оттенок тех самых шрамов, что четверть века выжигали его собственную плоть. Только теперь шрамов не было.

Флоранец стоял рядом, широко расставив длинные ноги в плотных кожаных ботфортах, и озадаченно склонил голову набок. Его огромные темные глаза с золотыми крапинками вокруг зрачков с недоверием изучали чужака.

— Г-господин... с вами точно все в порядке? — голос флоранца был мягким, певучим, с чуть растянутыми гласными, словно ему было лень торопиться.

— В порядке? — Орфей издал короткий, хриплый смешок, прикрыв ладонью глаза. Ладонь была чистой, гладкой, без единой светящейся фиолетовой прожилки. — Если не считать того, что я только что проспал двести пятьдесят четыре года и умудрился проморгать целую эпоху... Да, чужак, я просто в ударе. Что прикажешь делать человеку, отставшему от поезда на два с половиной века?

— Как величать тебя, странник? — флоранец чуть поклонился, принимая сарказм за чудачество.

— Орфей. Зови просто Орфеем.

— Меня зовут Сурф, — ответил пришелец — И откуда же ты свалился в заповедную чащу Дома Шевченко, Орфей?

— Если сильно упростить, чтобы у тебя не вскипели мозги — с Марса. Вы ведь еще помните такую планету в Солнечной системе? Четвертая от светила, ржавая, холодная, с дурным характером?

Сурф моргнул, его фиолетово-оливковая кожа на скулах чуть дрогнула:

— Помним, отчего же. Древняя колыбель Арей. Но... на Марсе уже сто двадцать восемь лет никто не живет. С тех пор как рухнула Купольная Магистраль, там лишь безжизненная пустошь да замерзшие карьеры.

— Что?! — Орфей рывком приподнялся на локтях, гравитация в 1.2g тут же налила плечи чугунной тяжестью, но мышцы справились на удивление легко. — Никто не живет?! Как это случилось? Опять война? ОЗФ пустили кинетические болванки? Или «Око» окончательно сошло с ума?

Флоранец посмотрел на него так, словно перед ним сидел оживший музейный экспонат:

— Откуда ты вообще взялся, бродяга, раз не знаешь столь элементарных вещей из школьного хронографа? Ладно если ты действительно проспал довести пятьдесят четыре года, то нет ничего удивительного.

— Я же говорил... я из далекого прошлого. Слушай, Сурф, хватит кормить местную фауну моими расспросами. Отведи меня к другим людям. Я хочу своими глазами посмотреть на ваш мир.

— Тебе нужен респиратор! — Сурф спохватился, снимая с пояса запасной дыхательный фильтр из тончайшей серебристой сетки. — Здесь дикая зона терминатора! Концентрация спор фиолетового древовидного папоротника в воздухе смертельна для чистых терранцев. Через десять минут у тебя начнется отек легких, через двадцать выплунешь печень!

— Оставь себе, Сурф. Со мной все будет хорошо. У меня, скажем так... старый марсианский иммунитет повышенной вредности, — усмехнулся Орфей, поднимаясь на ноги.

Он глубоко вдохнул. Густой, плотный воздух полутора атмосфер ворвался в грудь. Споры пахли сладковатой смолой и мускусом. Орфей ощутил, как крошечные частицы коснулись слизистой, но внутри его груди, прямо у основания сердца, шевельнулась едва заметная искра — невидимое наследие Гиннунгагап. Органические споры просто сгорели в микроскопическом квантовом фильтре его обновленного тела, превратившись в безвредный углекислый газ.

— Веди, егерь. Не пропаду.

Путь через лес занял около получаса, и за это время Орфей не переставал жадно впитывать окружающее.

Флоранада была ошеломляюще красива той красотой, которую никогда не знали динамичные миры Земли или Марса. Поскольку планета была приливно заблокирована, здесь не существовало смены дня и ночи. Слева, за сотни километров, лежало выжженное дневное полушарие — бесконечная раскаленная пустыня, чье термодинамическое дыхание гнало сюда теплые воздушные массы. Справа, за ледяными хребтами, стлался вечный ночной щит. А здесь, в полосе терминатора, царила бесконечная весна: тяжелые синие ручьи текли меж гигантских лилово-зеленых папоротников, чьи шестиметровые вайи флуоресцировали на изломах.

Сурф держал наготове длинный карабин с кристаллической ложей и признался, что шел по следу *ягуркого* — местного шестиногого хищника с гибким, как у мурены, телом и челюстями из органического кремния. Шум падения Орфея егерь поначалу принял за прыжок зверя.

А затем лес расступился, и перед ними вырос город.

Даже для Орфея, повидавшего инженерные безумства на Весте и Церере, зрелище оказалось фантастическим. Это не был зарытый в породу бункер Фобоса и не монолитные бетонные блоки Нью-Мюнхена. Поселение походило на гигантский живой кристалл, проросший сквозь папоротниковый лес.

Сотни крытых анфилад из гнutoго матового стекла и титановых ребер тянулись во всех направлениях, соединяя прозрачные биотопливные купола. Над куполами в лиловое небо вздымались ажурные леса тончайших труб и гравитационных антенн, рассеивающих споры и улавливающих энергетические потоки звезды. Здания внутри анфилад строились из темно-зеленого базальта с лиловой отделкой.

Навстречу им попадались горожане. Почти все они были высокими, худощавыми, двигались с невероятной, почти гипнотической плавностью. Их оливково-фиолетовая кожа на открытом свете едва заметно лоснилась. Орфей видел больше остальных и заметил на обнаженных руках и шее местных, что пульс у этих созданий был ленивым, сорок ударов в минуту, а глаза — широкими, глубокими, готовыми впитывать полумрак. На Орфея — мускулистого, широкоплечего, с бронзовой человеческой кожей и резкими марсианскими повадками — они глазели, как на выходца из легенд. Или пришлого с другого мира бродягу.

Они вошли под прохладную сень центральной галереи.

— Проспект Николая Евграфовича Шевченко, третьего Герцога планеты, — с благоговением пояснил Сурф, указывая на высокие витражи, изображавшие исторические сцены высадки ботаников два века назад. — Сейчас отведу тебя к эскулапам, пусть снимут с тебя клещей и проверят серое вещество, а дальше, Орфей, будешь устраивать свою судьбу сам.

Они свернули в малую боковую анфиладу. Створка из полированного биопластика бесшумно ушла в паз, и Орфея обдало резкой волной до боли знакомых запахов: чистый изопропил, свежий озон и специфический медицинский дезинфектор.

Небольшой, залитый мягким белым светом холл. За изогнутой регистрационной стойкой из молочного кварца сидела девушка.

Она была чистокровной флоранкой, но редкой, кукольной прелести: волосы цвета глубокой полуночи отливали сапфировой синевой и были уложены в сложную косу с живыми свечающимися бутонами. Кожа — нежно-оливковая с лиловым отливом на точеных ключицах, а огромные темные глаза имели тончайшую золотую кайму вокруг зрачков, вспыхивающую при каждом повороте головы.

— Мир вам под вечным светом! Чем могу помочь службе надзора? — прощепетала она, подняв взгляд от тонкого светового планшета.

— Здравствуй, Эллада, — устало выдохнул Сурф, прислоняя карабин к стене. — Выловил в заповеднике вот этого уникума. Бродит голышом без фильтра, чихает на споры, сыплет датами трехвековой давности и вообще делает вид, будто рухнул с орбиты прямо из времен Первой Терраформации.

— Ого... — Эллада отложила планшет, подперла точеный подбородок аккуратным кулачком и окинула Орфея оценивающим, откровенно-любопытным взглядом. — Спасибо, Сурф, мы разберемся. Можешь возвращаться к своим ягурким.

Когда егерь вышел, девушка слегка наклонилась вперед через стойку:

— Ну и как же тебя зовут, красавчик? Память не отшибло от папоротникового сока?

Орфей опешил. В его родной Сидонии за подобное обращение к незнакомому мужчине на официальном приеме в Республиканском комплексе даму сочли бы верхом распущенности или агентом политической провокации.

— Любопытные у вас нынче протоколы в тридцать третьем веке, — криво усмехнулся Орфей, заложив руки в карманы шелковых штанов. — Чуть что — сразу «красавчик». В мои времена за такое панибратство в регистратуре могли и талонов на синтез белка лишить.

— Какие есть! — Эллада мелодично рассмеялась, ее золотые ободки в глазах весело блеснули. — Ты мне понравился с первого взгляда. Плечи шире наших купольных балок, кожа странного теплого цвета, говоришь, как актер из древней голодрамы. У нас на Флоранаде ценят эстетику и говорят то, что думают. Лицемерить под вечным солнцем слишком скучно — ничто нет, чтобы прятать стыд. Так как имя, архаичный пришелец?

— Орфей Мендес, — отчетливо произнес он. — Родился на Марсе, город Сидония, субсектор Сардиния, в две тысячи девятьсот пятьдесят четвертом году от рождества земного пророка. Улица Ганса Железного, дом двадцать два, квартира триста девяносто четыре. Код идентификации в реестре Арей... впрочем, он вам вряд ли пригодится.

Пальцы Эллады, порхавшие над сенсором, замерли.

— Мендес?... Надо же, какая у твоего крио-сна богатая фантазия на адреса. Ты из дома Мендес? Из побочной ветви патриарха?

— А кто у вас нынче числится в патриархах? — прищурился Орфей.

— Ну, Дом Мендес сейчас заседает на Аурелии, держит монополию на субпространственные маяки, — пожала она изящными плечами. — Основал его Кауру Мендес, великий племянник того самого легендарного Орфея, героя Войны Сетей. Если не ошибаюсь, сейчас за главного Кассиан Мендес внучатый племянник Кауру.

— И... Кауру жив? — в горле у Орфея внезапно пересохло. Маленький сын его брата... мальчишка, которому он когда-то привозил заводные марсианские гироскопы...

— Ты что, совсем дремучий? Кауру ушел в чертоги предков лет сто двадцать назад, прожив добрых сто девяносто три года на геронтологических эликсирах.

— Понятно... — глухо уронил Орфей. Мир прошлого стремительно превращался в сухую строчку генеалогического древа. — Значит, да. Я из этого дома. Хотя, сударыня, уверяю вас: в мое время наш род благородным не звался. Мы были простыми инженерами, чинившими протекающие реакторы.

Эллада с легким подозрением склонила голову:

— Ты что... прошел через глубокий криостаз? Капсула потерялась при крушении ковчега?

Орфей уже набрал в грудь воздуха, чтобы выдать правду про антивещество и разрыв метрики, но прямо под сводом черепа — холодно, беззвучно и властно — прокатился призрачный шепот: *«Тебе следует придумать легенду, безумец. Ни один смертный ум не вместит истину о лоне сингулярности. Для них ты станешь либо опасным вирусом, либо подопытным материалом...»*

Орфей сглотнул вязкую слюну:

— Д-да... — его голос слегка дрогнул, но он быстро взял себя в руки. — Экспериментальный частный саркофаг. Автономная капсула глубокого консервирования. Сбой навигации, аварийный сброс... Очнулся в папоротниках.

Эллада лишь пожала плечами и быстро внесла отметку в терминал:

— Бывает. В прошлом месяце в секторе Врон нашли контейнер с шахтером времен Пепельного века. Бедняга проспал тысячу лет, проснулся, выпил кружку местного пива и пошел устраиваться оператором на рудник. Крионика — дело житейское. Вот только... как ты выжил без биофилтрации и почему твои ткани не разрушились от радиации за три века, пусть разбирается шеф. Проходи в третий кабинет. Доктор фон Врон уже освобожден.

Кабинет доктора напоминал смесь ювелирной мастерской и астрофизической лаборатории. Вдоль стен мерцали тонкие вертикальные сканеры, проецировавшие анатомические атласы в фиолетовых тонах.

За массивным столом из белого слоистого камня сидел доктор Хакс фон Врон. Это был пожилой по меркам флоранцев мужчина — судя по всему, разменявший второй век, но сохранивший сухую, аристократическую крепость тела. Тонкие черты лица, седые, зачесанные назад волосы и монокль с мерцающей кристаллической линзой над левым глазом выдавали в нем представителя древней научной династии, прибывшей сюда еще на «Конгломерате».

— Ложитесь в диагностический ложемент, молодой человек, — без лишних предисловий бросил доктор, не отрывая взгляда от данных на стекле моногля. — И снимите эту нелепую рубашу.

Орфей лег на прохладную, обволакивающую спину мембрану. Над ним вспыхнули мягкие голубые кольца томографа. Орфей внутренне напрягся: если приборы зафиксируют следы антиматерии или чужеродную структуру ДНК, его путь закончится в виварии.

Приборы тихо загудели, снимая витальные показатели. Доктор фон Врон долго молчал, его брови ползли все выше, сходясь на переносице.

— Невероятно... — наконец пробормотал он, поправляя монокль. — Никаких следов клеточного распада, характерного для долгого анабиоза. Мышечный тонус идеален. Микрофлора архаичная, марсианская, но поразительно агрессивная к местным спорам. А пульс... О Мендес, у вас пульс семьдесят восемь ударов в минуту! Вы что, только что спасались бегством от стаи ягурких?!

— Нет, доктор, — сдержанно усмехнулся Орфей. — Для чистокровного человека моего времени семьдесят ударов — это норма спокойного отдыха. Это вы здесь, под своими сумерками, живете со скоростью сонных черепах.

— Любопытно... Очень любопытно, — Хакс отключил сканеры и сел напротив. — Нейрограмма чиста. Никаких психозов, никаких следов воздействия спорового дурмана. Вы совершенно здоровы, господин Мендес. Если вы действительно принадлежите к этой фамилии, мне следует немедленно отправить квантовую депешу в филиал Ордена Жизни или связаться с вашими именитыми родственниками на Аурелии? Они оплатят ваш трансфер первым же рейсовым лайнером.

— Пожалуй, было бы славно, — кивнул Орфей, садясь на кушетке. А затем, помедлив, задал вопрос, который давно жег ему язык: — Доктор Хакс... скажите, а кто нынче правит в Республике?

Доктор замер с поднятым стилусом:

— В... чем?

— Ну, в Республике Арей. Кто сейчас держит бразды правления?

Хакс посмотрел на него с искренним, почти сочувственным изумлением:

— Друг мой, ваша крио-капсула, видимо, заморозила не только клетки, но и базовые файлы вашей памяти. Республики Арей не существует уже больше ста тридцати лет. Она пала в три тысячи сто двадцатом году под тяжестью натиска Империи Дворфов, вместе с ней погиб и король Синке.

Орфей почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Гордая, жестокая, стальная Сидония... империя красных дюн, которую он ненавидел и которой отдал лучшие годы — просто исчезла.

— И... что теперь вместо нее?

— На ее руинах в три тысячи сто двадцать восьмом родился КСК — Консорциум Свободных Колоний. Совершенно иная модель.

— И у этого Консорциума, надо полагать, тоже есть хозяин? Кто-то же должен править?

— В Консорциуме правит выборный Совет Миров, — терпеливо, словно несмышленому ребенку, объяснял врач. — Но высшую исполнительную власть представляет Верховный Лидер. И вот уже тридцать семь лет — с три тысячи двести двадцатого года — Маркус Второй Винсент.

— Кто?! — Орфей едва не подпрыгнул. — Винсент?! Сын короля Синке Второго?!

— Нет его внук, — ответил доктор, явно довольный произведенным эффектом. — Великий Синке даровал своей наследнице Софии матери Маркуса второго высшие протоколы клеточного долголетия Ордена Инженеров. Она правит твердой рукой, и пока никто не смеет оспорить право Винсентов на престол секторов КСК.

Орфей откинулся на спинку стула.

— Что ж... — Орфей провел рукой по лицу, пытаясь собрать мысли в кулак. — Спасибо за политинформацию, доктор. Могу я остановиться в вашем славном городе, пока за мной не прибудет эскадра... ну, или хотя бы скромный почтовый челнок моих «родственников»?

— Разумеется, — доктор фон Врон улыбнулся кончиками губ и достал из терминала тонкую мерцающую пластинку. — Городской Траст Дома Шевченко открывает для вас базовую кредитную линию. Вы сможете заселиться в отель «Сумеречный Сад», питаться по третьему стандарту и пользоваться библиотекой. Компенсируете траты, когда свяжетесь с Домом Мендес на Аурелии.

— Хах! Потребительский кредит под честное слово бродяги? В мои дни за такое вышвырнули бы в шлюз без скафандра. Спасибо, доктор. Вы меня искренне удивили.

— Мы на Флоранаде ценим взаимное доверие и покой, господин Мендес, — мягко ответил Хакс, протягивая пластинку и бумажный стикер с голографической печатью Дома Шевченко. — Держите ордер на размещение. И... берегите себя. Наш мир не любит суеты.

Выйдя из клиники, Орфей не пошел сразу по стрелкам навигатора к отелю.

Он свернул в боковую галерею с панорамным остеклением, ведущую к широкой эспланаде, и замер у зеркальной панели из темного кварца, глядя на собственное отражение.

Перед ним стоял совершенно незнакомый и одновременно до боли родной человек.

Это больше не был изломанный, уродливый монстр с пепельной кожей, прятавшийся в недрах «Дедала». Гиннунгагап пересобрала его заново, смыв четверть века радиоактивного и антиматериального ада.

Ему на вид было не больше тридцати двух. Высокий, поджарый, широкоплечий мужчина с чистой, смуглой кожей здорового терранца. Никаких перламутровых шрамов, уродовавших щеку. Никаких трещин на костяшках пальцев. Густые темные кудри падали на высокий лоб. Лицо было породистым, хищным, с острыми марсианскими скулами и упрямой линией подбородка.

Но главным были глаза.

Левый глаз был глубокого орехового оттенка — живой, теплый, усталый человеческий глаз. А вот правый... На первый взгляд он казался таким же темным. Но когда золотистый сумеречный свет сквозь стекло падал на него под определенным углом, на самом дне зрачка вспыхивала бездонная, холодная ультрафиолетовая искра. Не мертвый имплант, не уродливая лампада мутации, а крошечное, дремлющее окно в изначальную сингулярность. Он видел чуть больше, чем простые смертные: воздух перед его глазами слабо мерцал линиями гравитационных полей планеты, а в стеблях растений за стеклом угадывались тонкие токи питательных соков.

Орфей тихо усмехнулся своему отражению. «Ну здравствуй, призрак. Давно не виделись».

Его поразило другое. Он ожидал, что после двадцати лет абсолютного одиночества на Марсе и Фобосе, где единственным его собеседником был саркастичный искусственный интеллект в черном фраке, он разучится быть среди людей. Он ждал панических атак, дикости, звариной паранойи.

Но ничего этого не произошло.

Напротив, он говорил с егерем, парировал шуточки кокетливой регистраторши и держал удар перед доктором так легко и естественно, будто только вчера пил марсианское вино в офицерском клубе Сидонии! Он жадно, с наслаждением пил эти простые человеческие голоса, эти живые улыбки, эту спонтанную болтовню. В нем проснулся тот самый Орфей, которого когда-то похоронили под обломками лаборатории — блестящий, харизматичный, ироничный исследователь, способный очаровать любую аудиторию.

Орфей вышел на широкую террасу эспланады.

Город жил своей размеренной, вечной жизнью. Внизу шумели фонтаны с синей водой, над куполами скользили бесшумные каплевидные глайдеры, а в лиловых кронах пели невидимые птицы-эндемики. Впереди, за линией терминатора, сиял величественный, не знающий заката океан.

Орфей сжал в кармане кредитный стикер и зашагал по мостовой навстречу новому веку. Где-то среди этих бесчисленных звездных путей ждала Айрин. И он найдет ее, даже если ему придется переписать законы этой новой вселенной.

Отель «Сумеречный Сад» действительно не был построен в человеческом понимании этого слова. Казалось, базальтовая скала на краю плато однажды просто решила прорасти вверх, повинаясь какому-то ленивому геологическому капризу, а люди Дома Шевченко лишь пробили в ее толще окна и накрыли трещины легкими колпаками из матового кварца.

Створка главного входа — толстая плита из прессованного темного волокна — отъехала с глухим вздохом, впуская Орфея внутрь.

Вестибюль встретил его полумраком, сырым запахом прелого мха. Здесь было тихо, как в оранжерее глубокой ночью.

За массивной полукруглой стойкой, вытесанной прямо из монолита, сидел администратор — высокий, меланхоличный флоранец лет шестидесяти на вид, с кожей цвета потемневшего оливкового масла и густыми лиловыми бровями, нависавшими над глубоко посаженными глазами. Он был занят: длинным костяным ножиком неторопливо соскабливал налет с курительной трубки, то и дело поднося ее к носу и проверяя запах.

— День добрый, — Орфей подошел к стойке. Тяжелые ботинки с отчетливым стуком припечатались к каменному полу — в гравитации один и два десятых каждый шаг давался с солидным, основательным весом.

Флоранец не вздрогнул. Он медленно закончил движение, отложил ножик на полированную полку и поднял на Орфея тяжелый, сонный взгляд. Пульс у него, судя по ленивому покачиванию жилки на тонкой шее, едва дотягивал до сорока ударов.

— У нас всегда день, путник, — певуче, с легкой протяжкой на гласных произнес он. — Или всегда вечер, если вам ближе поэзия. Чего изволите под кровом Шевченко?

Орфей положил на стойку выданный доктором стикер с мерцающей печатью Траста и пластинку *карта-право*:

— Доктор Хакс фон Врон определил меня к вам на постой. Сказал, городской бюджет не обеднеет от одной койки.

Администратор взял стикер двумя пальцами, поднес вплотную к глазам, разглядывая голографический росчерк врача, затем вставил пластинку в щель считывателя. Аппарат негромко пискнул:

КАРТА-ПРАВО: ПРИНЯТО // ТРАСТ ШЕВЧЕНКО // СТАНДАРТ ТРИ // ДЕKK 04-Б

— Мендес... — старик чуть шевельнул бровью. — Громкое имя для бродяги. Впрочем, фон Врон чужих грехов не покрывает, раз подписал — значит, положено. Я — Тадеуш. Пойдемте, покажу ваши покои. Лестницей или подъемником?

— Лестницей, — сказал Орфей. — Ноги разомну.

— Как знаете. Только не спешите, — Тадеуш медленно обошел стойку, заложив длинные сухие руки за спину. — Молодые все куда-то бегут, а сердце потом стучит в висках, как неисправный поршень. Здесь воздух плотный, спешки не прощает.

Они поднялись по винтовым ступеням, высеченным прямо в зеленоватом слоистом камне. Тадеуш шел плавно, словно плыл в воде, ни разу не сбив дыхания.

Номер 04-Б на четвертом ярусе оказался неожиданно просторным. Никакой роскоши, но все добротное, тяжелое, пахнущее воском и сухими травами. В углу стояла широкая низкая тахта, накрытая плотным шелковым пледом, массивный стол из серого дерева и одно-единственное кресло перед огромным панорамным окном во всю стену.

— Вода в умывальнике артезианская, третья фракция, — наставительно проговорил Тадеуш, прислонившись плечом к дверному косяку. — Свет на панели регулируется плавно, но наружу ставни не закрываются — Герцог считает, что прятаться от светила грешно перед природой. Живите с миром.

— Спасибо, Тадеуш.

Старик кивнул и так же бесшумно растаял в коридоре.

Орфей скинул чужую холщовую куртку на спинку кресла и подошел к окну.

Флоранада лежала перед ним как на ладони.

Оранжевый карлик Алатан стоял точно над зубчатым хребтом Лиловых гор — огромный, тускло-золотой шар, застывший в бесконечном закате. Тени от гигантских древовидных папоротников тянулись через всю долину, темные, неподвижные, словно нарисованные тушью. Внизу, у подножия скалы, лениво перекачивал тяжелые синие волны океан. Ни шелеста листьев, ни крика птиц сквозь толстый кварц не доносилось. Мир словно заснул на вдохе и боялся выдохнуть.

Орфей опустил в кресло и положил руки на подлокотники.

«Двести пятьдесят четыре года, — подумал он, глядя на недвижимое солнце. — Четверть тысячелетия».

В Гиннунгагап не было времени. Там нечему было течь, нечему было стареть. Он шагнул туда из марсианской ночи 2999 года — из копоти, страха, воя сирен тайной полиции «Ока» и шепота полусгнившего радиоприемника, а вынырнул в застывший хрустальный покой.

Где-то за этими двумя веками сгорел Юпитер. Рассыпался в прах миллионотонный Атлантис, утонул в радиоактивной плазме самозванный Кибер-Король Атмос, обратив свой народ в бродяг и наемников, как то ему рассказал Сурф, по пути из леса. Пала Республика. Погибла Сидония, где он когда-то мальчишкой бегал по пыльным ступеням метро Каледония... А люди просто поехали дальше. Пересели на новые корабли, назвали по-другому правителей, вывели новые сорта чая и научились жить под светом, который никогда не гаснет.

В животе у Орфея вдруг протяжно, тоскливо заурчало.

Он криво усмехнулся и потер ладонью ребра. Мысли о вечности — вещь возвышенная, но Гиннунгап вернула ему совершенно человеческий желудок, а этот желудок решительно плевать хотел на топологию метрики и крушение империй. Ему требовался белок.

Орфей поднялся, оправил рубашу и спустился обратно в вестибюль.

Тадеуш сидел на том же месте. Трубка была отложена; теперь администратор держал в руках тонкие ножницы и методично подстригал кончики побегов комнатного папоротника, росшего в плошке на стойке.

— Тадеуш, — Орфей подошел ближе, опершись кулаком о камень. — А где у вас тут столовая? Или пищевой синтезатор? В номере я нашел только кран с водой.

Флоранец медленно опустил ножницы, аккуратно смахнул отрезанный листик в ладонь и поднял глаза:

— По регламенту отеля «Сумеречный Сад», господин Мендес, постояльцам третьего стандарта предоставляется исключительно утренний завтрак.

— Прекрасно. Когда у вас завтрак?

— Через семнадцать часов, — невозмутимо ответил старик.

Орфей моргнул. Он оглянулся на открытую дверь, за которой все так же незыблемо сияло янтарное солнце, потом снова уставился на администратора:

— Через... сколько?

— Через семнадцать часов. По третьей колониальной страже.

— Послушайте, любезный, — Орфей склонил голову набок, сдерживая нервный смехок. — За окном день. Солнце стоит в зените. Какой завтрак через семнадцать часов?!

Тадеуш с глубоким, снисходительным сочувствием посмотрел на гостя, словно на слабоумного ребенка:

— Господин Мендес, солнце здесь стоит в зените последние четыре миллиарда лет. Если бы мы садились за стол всякий раз, как оно светит, мы бы лопнули еще при Первых Домах. Мы на Флоранаде живем по вахтам. Утренняя смена террас Шевченко только заступила на плантации. Они отработают свои восемь часов, потом будет большая пауза покоя, потом вечерний полив, и лишь затем — смена цикла и подача этеля в трапезную. До нее — семнадцать часов и сорок минут.

Орфей прижал пальцы к вискам. В его марсианской юности сутки мерили по солнцу — встало, значит утро, — село значит вечер, но здесь природа и вовсе отменила календарь.

— И что мне прикажете делать? Жевать мох со стен?

— Зачем же мох? — обиделся Тадеуш, аккуратно укладывая ножницы рядом с трубкой. — Мы цивилизованные подданные. Выйдете из анфилады, спуститесь на нижний ярус к жилым кварталам. Улица Хеллинга, дом сорок три. Трактир «Старый Терминатор». Там хозяйничают отставные артельщики. Они кормят круглосуточно, потому что буровики со смены приходят не по часам, а когда порода пустит.

— А этот чип... — Орфей повертел в пальцах выданную фон Вроном пластинку. — Он там работает?

— Траст Шевченко покрывает базовый этель в любой харчевне города, господин Мендес. Картошка и прессованная рыба там будут гарантированно. Только идите через Вторую галерею, на Первой сейчас продувают гравитационные фильтры, наглотаетесь пыли.

Улица Хеллинга оказалась совсем не похожа на выхолощенный проспект Герцога Шевченко с его высокими витражами и чинными докторами.

Здесь начиналась рабочая Флоранада. Стекланные купола над головой были ниже, закопчены масляным дымом вентиляционных шахт, а вдоль стен из грубого базальта тянулись толстые пучки силовых кабелей в потрескавшейся изоляции. Навстречу Орфею попадались уже не утонченные флоранцы в шелковых туниках, а разношерстная публика: широкоплечие марсианские техники в засаленных комбинезонах, сутулые бродяги-шахтеры и даже пара приземистых, мощных крепышей с серой кожей — граваторов с миров тяжелой гравитации, чьи тяжелые шаги отзывались гулом в решетках настила.

Дом сорок три нашелся быстро. Вывеска над дверью была скромной — вырезанная из толстого листа титана шестеренка, внутри которой тусклым неоном горела надпись:

ТРАКТИР "СТАРЫЙ ТЕРМИНАТОР" // ЭТЕЛЬ. ПАНЬЯ. ТЕПЛО

Внутри пахло жареным жиром, чесноком, перегретым машинным маслом и табачным перегаром. Помещение было низким, со сводчатым каменным потолком, державшимся на четырех толстых колоннах. За тяжелыми дубовыми столами сидело человек двадцать. Разговаривали вполголоса — тяжелая атмосфера полутора атмосфер делала звуки глухими, придавленными.

Орфей толкнул скрипучую деревянную створку и подошел к свободному столику в углу у стены.

Тотчас из-за стойки вынырнул официант. Это был пожилой человек — чистокровный терранец земного фенотипа, судя по нормальному, не замедленному шагу и подвижному, морщинистому лицу. В руке он держал засаленное полотенце и жестяной поднос.

— Мир дому, путник. Чего подать? — официант беглым взглядом окинул поношенную рубаху Орфея, но тон сохранил ровный, привычный к беглым шахтерам.

Орфей положил на край стола свою пластинку:

— Городской Траст Шевченко. Третий стандарт. Что на это полагается?

Официант достал из кармана фартука портативный терминал, щелкнул считывателем. Зеленый огонек мигнул:

— Полагается густой бульон с клецками из корней папоротника, жареный соленый бок синего тунца и кувшин паны. За десерты и спиртное — доплата чистой медью или кронами КСК.

— Неси то, что полагается, любезный. И хлеба, если есть.

— Хлеб из мирранской пшеницы входит в норматив, — официант убрал терминал и вытер столешницу полотенцем. — Ждите пять минут, сейчас наварю.

Орфей откинулся на жесткую спинку стула и осмотрелся.

За соседним столом, всего в двух шагах, сидели трое. Двое были флоранцами — молодые парни с бледными оливковыми лицами и длинными пальцами, перемазанными графитовой смазкой. Третьим был дворф — кряжистый, с широченной, как наковальня, грудью и седой бородой, заплетенной в две тугие косички. Перед ними стояла наполовину пустая глиняная бутылка и три жестяные кружки.

— Я тебе говорю, Вальдес, — глухо рокотал дворф, с силой опуская кружку на стол. Металл звякнул о дуб. — Матрица на станции «Фиолетовый Закат» доживает последние дни! Я вчера в нижнем шлюзе стоял, давление в переборках мерял. Излучатель звенит! Звенит на высокой ноте, как струна перед обрывом!

Один из флоранцев лениво отхлебнул из кружки, поморщился и покачал головой:

— Пустое, Гор. Совет Дома на следующей вахте отправит курьера к Узловой-6. Привезут новый блок квант-пар. Шевченко не оставят систему без колеи.

— Кто привезет?! — дворф подался вперед, так что жилы на его толстой шее надулись. — Ты соображаешь своей длинной башней? От Узловой до нас — шесть месяцев прямого хода

сквозь Стяжку, если идти на Вояджере! А где ты сейчас найдешь свободный Вояджер? Все тяжелые плика-скипы ушли к внешним рудникам! На станции сидит придурок-интендант, он зазор в ловушке Пеннинга на глаз меряет! Если матрица встанет в нилль, мы тут застрянем до второго пришествия! Ни хлеба с Мирры, ни жидкого водорода с Иски!

Орфей слушал, не поворачивая головы, но правый глаз слабо кольнуло привычным теплом.

«Звенит на высокой ноте...» — мысленно повторил он.

Он знал этот звон. Он сам слышал его на Фобосе, когда излучатели начинали испытывать декогеренцию под ударами космической радиации. Это был не механический звук — это стонала сама метрика, когда нарушалась фазовая синхронизация потоков. Если излучатель звенел, значит, катушка деградировала уже не на пять процентов, а сыпалась кусками. Еще сотня тяжелых транзитов — и разрыв схлопнется прямо в горловине...

— Вот ваш этель, почтенный, — перед Орфеем с легким стуком опустился тяжелый глиняный горшок, от которого валил густой, пряный пар, и деревянная тарелка с тремя толстыми ломтями темно-серого хлеба. Рядом встал запотевший кувшин с чистой водой.

Официант замер у стола, уперев кулак в бок:

— Вы хлеб берите, пока горячий. У нас пекарь с Мирры, зерно чистейшее, без изотопов. И пейте воду, горло промочите. Сразу видно — только с перегона пришли.

— Спасибо, друг, — Орфей отломил горбушку. Хлеб хрустнул, пахнуло настоящим теплым подом и каленым зерном.

Он зачерпнул деревянной ложкой варево. Суп был обжигающим, жирным, непривычно пряным — корни папоротника давали легкий вяжущий привкус смолы, но мясной бульон был крепким, настоящим. После двух с половиной веков небытия это было почти откровением.

Официант не уходил. Он перебросил полотенце на другое плечо, оглядел Орфея с ног до головы и тихо спросил:

— Слышу, говор у вас странный. Слова вроде наши, а складываете их, будто читаете старую рукопись. Вы с какого мира прибыли? С центральных?

— С дальних, — не поднимая глаз от тарелки, отозвался Орфей. — Очень дальних.

— То-то и оно, — вздохнул официант, вытирая пальцем воображаемое пятно на краю стола. — Сейчас с дальних миров мало кто добирается. С тех пор как Юпитер разметало, логистика вся наперекосяк пошла. Раньше караваны шли каждые трое суток, а нынче вон... — он мотнул головой в сторону спорящих за соседним столом. — Врата скрипят, матрицы горят, а начальству Дома лишь бы налоги вовремя собрать. Вы кушайте, кушайте, остынет ведь.

— Скажи мне, любезный, — Орфей отставил пустую ложку и посмотрел официанту прямо в глаза. — А где здесь у вас механики собираются? Не те, что в белых халатах в клинике сидят, а те, кто с железом возится? С настоящим, тяжелым железом?

Официант хмыкнул, прищурившись:

— Так вон же, Гор за тем столом сидит. Он сорок лет в третьем доке клекает причальные мачты. А если вам по корабельной части — это к Гродину надо. Он тут в нижнем ангаре старые челноки на лом режет. Только хмурый он, дворф этот. Разговаривать не станет, пока трубку не раскурит.

— Найдем, о чем поговорить, — негромко ответил Орфей, наливая в кружку ледяную воду. — Я тоже, знаешь ли, люблю, когда металл не звенит перед разрывом.

Глава 2. Сокровище на помойке.

Орфей допил воду мелкими, размеренными глотками, чувствуя, как холодная влага оседает на пересохших связках. Глиняная кружка глухо стукнула о дубовую столешницу. Официант, стоявший у края бара увидел, что гость доел и снова подошел. У него в руках было засаленное полотенце он тут же сгреб пустой горшок, ловко подцепил миску из-под бульона и снова мазнул взглядом по Орфею:

— Ну, добро. Вижу, полегчало. Пластинку-то заберите, не оставляйте, у нас тут народ простой, мигом пристроят.

— Спасибо за хлеб, любезный, — Орфей смахнул со стола кредитный жетон Траста и сунул его в карман холщовых штанов.

Официант что-то согласно буркнул и развернулся в направлении стойки, а Орфей поднялся. Стул под его весом с сухим скрежетом прочертил по каменным плитам пола. Ноги отозвались привычной плотной тяжестью: планета не позволяла вставать небрежно, каждый подъем требовал внятного усилия икр и поясницы.

Он поправил ворот рубахи и сделал шаг мимо соседнего стола. Дворф Гор все так же сидел, подавшись вперед всем своим широким, бочкообразным торсом, и вколачивал короткий палец в столешницу:

— ...я тебе говорю, не довезут! — гремел он, заглушая стук ложек в зале. — У них на «Орионе» три привода в ремонте стоят, кто пойдет в Стяжку? Дядя твой пойдет?!

Молодой флоранец лениво откинулся назад, не глядя на покрасневшего собеседника, и лишь махнул длинной оливковой кистью:

— Не каркай под руку, Гор. Завтра смена придет, разберутся.

Орфей скользнул мимо них, даже не замедляя шага. Ладонь легла на холодную ручку входной двери — титановый брусок с рифленой насечкой. Дверь подалась с тугим металлическим скрипом пружины, пропуская его наружу, и захлопнулась за спиной, отсекая гул трактира и запах пережаренной рыбы.

Улица Хеллинга встретила сырым сквозняком.

Здесь не было ветра открытых пустошей, воздух тек ровно, принудительно вытягиваемый циклопическими вытяжками где-то на верхних ярусах анфилады. Под ногами поблескивали мокрые базальтовые плиты, уложенные в незапамятные времена без цемента, встык. Слева вдоль цоколя тянулся толстый пучок бронированных силовых кабелей в потрескавшейся изоляции — сквозь защитную оплетку Орфей своим правым глазом отчетливо видел легкое, едва заметное лазурное марево бегущего тока, пульсирующее в ритме тридцати герц. Старый республиканский стандарт. Вещи менялись, государства исчезали, а сечение медных жил оставалось прежним. Да и зачем ему, собственно, меняться.

Он не стал останавливаться, чтобы сориентироваться. На перекрестке, где улица упиралась в глухую опорную стену третьей галереи, висела штампованная стрелка указателя:

ГУАН-4 // НИЖНИЙ СЕКТОР // ТЕХ-ДОКИ 1-6

Орфей повернул направо, в узкий наклонный тоннель.

Пандус уходил вниз под углом градусов в пятнадцать. Спускаться при повышенной гравитации было едва ли не тяжелее, чем подниматься: каждый шаг приходилось гасить коленями, чтобы не сорваться на неловкую марсианскую рысцу, от которой здесь можно было вывихнуть голеностоп. Стены тоннеля быстро потеряли декоративную полировку. Чистый тесаный камень сменился грубой бутовой кладкой, а затем и вовсе обнаженным скальным монолитом со следами проходческих плазменных фрез — неровными концентрическими бороздами, заросшими бледным, почти бесцветным подвальным лишайником.

Температура плавно падала. Если на улице Хеллинга держались комфортные двадцать два градуса вечных сумерек, то здесь воздух остывал с каждым пролетом, напиваясь запахами инженерных мастерских: сварка, флюс, подавленная резина.

Из глубины доносился мерный, вибрирующий ритм. Не гул реактора — этот звук Орфей ни с чем бы не спутал. Внизу работал тяжелый пневматический клепальник или гидравлический молот: короткий сиплый выдох, глухой удар по металлу, двухсекундная тишина, снова удар.

Пандус кончился массивным двойным шлюзом с разомкнутыми створками. Бронированные двери толщиной в полметра были намертво заклинены в открытом положении сталь-

ными подпорками — видимо, системой аварийной герметизации здесь не пользовались уже несколько десятилетий. На позеленевшей табличке у косяка тускло фосфоресцировал трафаретный номер:

СЕКТОР Б-3. УТИЛЬ-АНГАР.

Орфей перешагнул через направляющий рельс в полу и остановился на пороге. По пути он прошел сектора Б-1 и Б-6, синтез дейтерия и ТЭЦ реактор, соответственно.

Перед ним открылось колоссальное пространство один из самых крупных залов комплекса. Помещение высотой метров в двадцать и длиной в добрых полкилометра терялся во влажной дымке. С потолка на толстых цепях свисали тусклые натриевые лампы в защитных решетках, выхватывая из темноты циклопические скелеты машин. Это действительно было кладбище: потрошенные корпуса малых орбитальных барж, смятые титановые секции грузовых лифтов, ряды демонтированных дюз с налипшей копотью и горы срезанной бронеплиты. Металл остывал, шелкая на стыках.

Очередной удар молота раздался совсем близко — метрах в пятидесяти левее, за нагромождением ржавых ферм. Следом за ударом послышался сухой треск, шипение сглатываемого газа и хриплый кашель курильщика.

Орфей двинулся на звук, ступая по мелкой гранитной крошке.

За кучей демонтированных теплообменников горел свет. На верстаке, сваренном из железнодорожных рельсов, стояла переносная кварцевая лампа. В ее резком белом луче стоял человек — вернее, существо, которое Орфей сразу признал даже со спины.

Низкий, плотно сбитый, с плечами шире ящика для инструментов и чудовищно массивной спиной, обтянутой засаленной брезентовой курткой без рукавов. Серые от металлической пыли руки дворфа — толстые, бугристые, с узловатыми предплечьями, способными скручивать стальные прутья, — методично оббивали заусенцы с массивной бронзовой втулки. В углу рта у него дымила короткая толстая трубка из темного сплава. Сизый, едкий дым пах не местными сушеными листьями, а настоящим, ядреным табаком со старых плантаций пояса.

Орфей подошел на расстояние трех шагов и замер у верстака, не делая резких движений.

Удар молотка снова опустился на втулку. Звякнуло. Дворф даже не повернул головы, но сквозь зубы, не выпуская трубки, глухо пророкотал:

— Если ты от интенданта за накладными — положи на ящик и проваливай. Я сегодня больше железо не принимаю, смена кончилась.

— Я не от интенданта, — спокойно произнес Орфей. Его голос прозвучал гулко под высокими сводами ангара. — Мне сказали, старшего механика зовут Гродин. И что он знает, почему звенит металл перед разрывом.

Молоток в руке дворфа замер в воздухе. Дым из трубки на мгновение перестал клубиться. Механик медленно, со скрипом потертых шарниров в рабочем поясе, повернулся всем корпусом и уставился на пришельца снизу вверх. Маленькие, глубоко посаженные глаза под нависшими костистыми надбровьями сузились в две колющие щели.

Гродин медленно опустил тяжелый молоток на рельсовую наковальню. Звук получился глухим, недовольным. Дворф шумно потянул воздух сквозь зубы, сжимая мундштук трубки, и выпустил плотную струю сизого дыма прямо в кварцевый луч лампы. Дым на мгновение закружился спиралью, дробя свет на мелкие пыльные полосы.

— Звенит, говоришь? — голос механика был похож на скрежет двух гранитных жерновов. Он обтер ладонь о бедро брезентовых штанов, оставив на ткани широкий черный след графита. — Значит, в трактуре у Гордона ошивался. Этот старый дурак Гор только и умеет, что пугать сопливых флоранцев звоном в магистралях. А сам даже люфт в цапфе от кавитации отличить не может.

Дворф подошел ближе, переваливаясь на коротких, кривых, но чудовищно толстых ногах. Макушкой он едва доставал Орфею до середины груди, но объема в его плечах хватило

бы на троих рослых терранцев. Маленькие темные глазки под нависшими костяными надбровьями впились в лицо Орфея, а затем скользнули вниз — по рукам.

— Руки чистые, — констатировал Гродин, с легким прищуром сплюнув под ноги темную табачную слюну. — Кожи на костяшках нет, мозоли старые, давно сошли. Одежка городская, шелковая. Но стоишь твердо. В один и два джи не приседаешь, как эти сумеречные жерди. Кто такой?

— Орфей. Временно на попечении городского Траста.

— Слыхал я про тебя полчаса назад по внутреннему селектору, — дворф вынул трубку из рта и постучал нагаром о ребро наковальни. — В регистратуре трепались, сплетни, сам понимаешь, городок то не большой, префектура. Говорят, пришлый из папоротников, фамилия с гербом, в голове сквозняк на двести с гаком лет. И чего тебя в мой утиль занесло, «герцожок»? Железа захотелось понюхать?

— Корабль мне нужен, Гродин.

Дворф замер с поднятой трубкой. Секунды две он просто смотрел на Орфея, словно прикидывая, не треснуть ли гостя гаечным ключом для профилактики, а затем запрокинул голову и коротко, хрипло залаял смехом:

— Корабль?! Ему корабль подавай! Слыхали, а? Парень только из сугроба вылез, штаны еще не просохли, а уже во флот метит! Ты вокруг посмотри, знаток метрики! — он обвел черенком трубки циклопический мрак ангара. — Здесь тебе что, стапели Поймы? Или верфи Аурелии? Тут кладбище, парень. Сюда свозят то, что уже даже на гвозди не годится.

— Хлам везде одинаковый, — не повышая голоса, ответил Орфей. — Вопрос в том, кто его разбирает, и что интересно находит.

Гродин прищурился. В его колючем взгляде сквозь усталость блеснуло любопытство старого ремесленника. Он сунул потухшую трубку в нагрудный карман, вытер руки ветошью и мотнул подбородком в сторону темных нагромождений в глубине зала:

— Пошли. Покажу тебе «корабль». Полюбуешься, как выглядит мечта, когда ее через дробилку пропустили.

Они двинулись вглубь ангара.

Шли не спеша. Гродин топал тяжело, подбитые железом носки его ботинок выбивали искры из гранитной крошки. По пути он то и дело пинал ногой обрезки швеллеров, словно проверяя их на прочность, и бормотал себе под нос проклятия в адрес портовых снабженцев. Тоннель между штабелями срезанной брони сужался. Натриевые лампы остались позади; свет здесь давали лишь редкие аварийные полосы на полу, горевшие тусклым аварийным янтарем.

В самом дальнем тупике, у сырой базальтовой стены, с которой мерно капал мутный конденсат, громоздилось нечто огромное, затянутое выцветшим промасленным брезентом.

Гродин ухватился за край полотна узловатой рукой и с натужным кряхтением дернул его вниз. Тяжелая ткань сползла, подняв густое облако рыжей пыли и сухого озона.

Орфей невольно подался вперед.

Перед ним лежал малый разведывательный корвет — шестьдесят пять метров от острия носовых рогов до среза дюз, восемьдесят метров в размахе серповидных крыльев и добрых четырнадцать метров от днища до горба верхней палубы. По стандартным земным меркам сухая масса такого судна тянула на семь с половиной тысяч тонн, а здесь, под тяжестью Флоранады, его остов давил на базальтовые плиты всеми девятью тысячами.

Линии его не имели ничего общего с топорной тяжеловесной архитектурой Республики Арей или угловатыми коробками ОЗФ. Это был изящный клин, походивший на полумесяц, идущий рогами вперед. Хищный, граненый корпус из темной металлокерамики напоминал чешуйчатое тело глубоководного ската, выкинувшего плавники вперед. Даже сквозь копоть и вмятины угадывалось благородство формы.

Досталось машине страшно. Правый борт, ближе к основанию рога и грузовому трюму, был вспорот сплошной бороздой от крупнокалиберного рельсотрона — металл вывернуло частично наружу вывалившимся на скорости грузом, а частично вогнало внутрь от самого кинетического удара. Обугленные рваные лепестки брони торчали в стороны.

Носовые рога, где в бронированных желобах покоились спаренные излучатели туннельной пушки — вроде той, которую когда-то сам Орфей устанавливал на «Дедал», — были сплюснуты и сбиты с оси, а их внешние волноводы покрылись сетью трещин.

Кормовой отсек субсветового хода зиял черной дырой: термоядерный прямоточный импульсник типа «Кузнечик» выгорел дотла, оставив лишь спекшиеся медные шины и расплавленные сопла магнитных ловушек. Антигравитационные стабилизаторы градиента — кольца гравкинео под днищем — были раздроблены в мелкий щебень.

Живого места на обшивке не осталось.

— Ну как тебе пташка? — хмыкнул Гродин, почесывая щетину на подбородке. — Красавица, а? Прямо хоть сейчас на парад в Сидонию, если бы от Сидонии хоть один кирпич остался.

Орфей медленно обошел изувеченную носовую часть, осматривая рога. Пальцы сами собой коснулись холодного скола брони. Под слоем нагара на борту проступала тонкая золотая инкрустация — переплетенные стилизованные иероглифы и геометрическая печать гексаграммы.

Знаки были явно восточного, азиатского корня, но в его родном двадцать девятом веке так не писали: древняя каллиграфия странно, почти противоестественно срасталась с жесткими контурами логических матриц и квантовых операторов.

Гродин подошел ближе, переваливаясь на коротких ногах, и с наслаждением выпустил в проем струю сизого дыма:

— А, разглядываешь закорючки? Тонкая работа, ничего не скажешь. Чистое золото по хагане пустили. Кибер-конфуцианцы с Фомальгаута ладили. У них там без ритуала и гайки не завернут.

— Кибер... кто? — Орфей обернулся к дворфу, нахмурившись. Словосочетание резало слух, как попытка скрестить паровую турбину с храмовым колоколом. — Кто такие эти конфуцианцы?

Гродин вынул трубку изо рта, удивленно уставился на Орфея снизу вверх и коротко фыркнул в бороду:

— Ты точно из самого глухого ледника вывалился, парень. Кибер-конфуцианцы. Синдикат Цейлона. Слыхал про Фомальгаут? Ну, белая звезда, «Око Саурана» пылевое вокруг... Лет сто пятьдесят назад, когда наши владыки с Юпитера полезли подминать внешние миры, они загнали тамошние китайские и японские кланы в шахты да на чайные плантации. Шесть лет держали в кандалах. А в три тысячи сто двадцать шестом те подняли бунт, перерезали имперский гарнизон под корень и выстроили свое государство.

Дворф постучал нагаром трубки о смятый борт и прищурился:

— Чудной народец. Скрестили древний кодекс чести, сыновнюю почтительность и жесткий квантовый Госплан. У них там суперкомпьютер «Ли» распределяет, кому сколько риса съесть, сколько смен у станка отстоять и какую поэму на ночь прочесть, чтобы классовой розни не вышло. Правят ученые старцы в шелках да командиры с вибро-мечами. Чай выращивают бессмертный — «Эн но иночи», за который наши бароны готовы целые заводы отдавать, ансибли свои хитрые по всей галактике продают... Гордые черти. Ни под КСК, ни под Ордена не легли.

— А этот корабль... как он здесь оказался? — спросил Орфей, глядя на золоченые знаки. — До Фомальгаута отсюда сотни световых лет, видимо.

Гродин снова пыхнул трубкой, и в его голосе прорезалось хриплое удовольствие старого докового рассказчика:

— А вот так и оказался. Лет сорок назад дело было, еще при пятом Герцоге. Занесло сюда этих... разведчиков. То ли навигатор у них в Стяжке обмишурился, то ли гравитационный вихрь от внешних карликов с курса сбил. Только вывалилась эта шнекка аккурат над Лиловым хребтом — без предупреждения, на глухих позывных. А у Дома Шевченко тогда учения шли, маневры крутили, нервные все были, как девки перед первой вахтой. Наше планетарное ополчение долго думать не стало: подняли два патрульных корвета и влупили по прищельцу из рельсотронов главного калибра. В крошево разнесли! Корпус винтом пошел, двигатель хлопнул, на скалы шмякнулся — вон, нос до сих пор гармошкой смят.

Дворф вздохнул и прокашлялся:

— Экипаж... ну, экипаж в цинковых ящиках через нейтральные Врата на Цейлон сплывили, чтоб дипломатического скандала не вышло, а эту тушу сюда, в Б-3, уволокли. С глаз долой, чтоб начальство не нервировать. Так и гниет сорок лет.

Орфей молча слушал, вглядываясь в рваные пробоины. Люди меняли флаги, придумывали новые государства и возводили в культ квантовые машины, но повадки оставались прежними: сначала ударить из всех стволов, а разобраться потом.

Орфей сделал шаг вперед, переступая через смятую дюралевую обшивку фальшборта, и заглянул в зияющий пролом складского отсека. И двинулся дальше к открытой переборке в небольшой коридор, подсвечивая путь газовым фонарем Гродина и дальше вниз под основную, жилую палубу, в главный машинный отсек, следуя указателям из фосфоресцирующей краски.

Первое, что бросилось ему в глаза, заставило его на мгновение замереть от чистого профессионального ступора.

Там, в кормовой нише, на закопченной монтажной раме покоился импульсно-термоядерный блок. Характерная ребристая «рубашка» магнитной ловушки, ряды щелевых форсунок впрыска, знакомые контуры инжекторов — это был классический, родной «Кузнечик». Но какой!

В двадцать девятом веке судовой термоядерный реактор серии «К» для эсминца или тяжелого курьера представлял собой циклопическую двадцатиметровую бочку из бронированного сплава, опутанную гигантскими шинами охлаждения и занимавшую добрую треть корабля. Здесь же...

Орфей моргнул, приглядываясь. Длина агрегата едва доходила до двух с половиной метров. Компактный, сжатый до предела тор, в котором инженеры умудрились спрессовать дейтерий-гелиевую камеру и импульсные катушки в габариты обычного складского контейнера. Правда, сейчас от чуда техники веяло безнадежным холодом: титановые контуры магнитов оплавившись, превратившись в бесформенные серые наплывы, а из лопнувшей керамической изоляции торчали обугленные пучки расщепленных шин. Было удивительно, как при таких повреждениях корабль вообще не взорвался полностью.

— Быть не может... — вырвалось у Орфея. Он протянул руку, коснувшись пальцами остывшей форсунки. — «Кузнечик»? Камера сжатия меньше трех метров? Да как вы здесь удерживаете плазму при таком радиальном зазоре?! Где теплоотводящие радиаторы?

Гродин подошел сзади, тяжело шаркая подошвами по гранитной крошке на лестнице, и выпустил струю сизого табачного дыма прямо в недра растерзанного отсека:

— Удерживали, скажешь тоже. Видишь же — спекся твой «Кузнечик», только усы торчат. Это цейлонская переделка, модификация «К-Семь-Мини». Их лет сто назад начали лепить для малых перехватчиков и разведчиков. Запихнули высокотемпературные магниты прямо в корпус, на субмолекулярных кристаллах. Вещь хитрая, компактная, спору нет, но нежная — страсть. Ополченцы нашему летуну один раз болванкой в хребет приложили — поле и поплыло. Плазма прожгла изоляцию, реактор сам себя сожрал и встал намертво, но видно защита какая-то сработала и он не рванул. Восстановлению не подлежит, только на переплавку.

— Но если маршевый термояд сгорел... — Орфей перевел взгляд глубже, за перегородку аварийного отсека, где мимо двух разбитых, почерневших от старого короткого замыкания криокамер для экипажа вел узкий лаз к носовым накопителям, — то что питало туннельную пушку? Этот крошечный блок физически не мог дать разряд нужной плотности для разрыва метрики!

— А он ее и не питал, — равнодушно буркнул дворф, пыхнув трубкой. — Я думаю, это экспериментальный борт, штучная работа. О подобных я больше никогда ничего не слышал. Наверное, Цейлонцы его склепали на основе тех малых кораблей прорыва, что выменяли у Магистров Тайны за свой бессмертный чай. Термояд тут только для субсветового хода стоял — маневры крутить да от планет отталкиваться. А на пушку и подпространство у этих головастиков совсем другое железо завязано. Вон туда глянь, — он указал за лестницу, где в задней части отсека, разделенной бронированным пиллерсом, темнели два изолированных узла.

Орфей обошел трап, посветил рассеянным лучом фонаря вглубь помещения и замер. Первый агрегат слева он узнал мгновенно — так узнают собственную руку на старом снимке. Компактный магнитно-вакуумный тороид с каскадом позитронных ловушек Пеннинга и кольцом лазерного охлаждения. Автономный генератор антиматерии замкнутого цикла.

Схема, которую он и Гамлет в две тысячи девятьсот девяносто девятом году собирали на коленке в промерзшей лаборатории Фобоса, чтобы «Дедал» мог вскрывать пространство своими туннельными пушками, не завися от заправочных станций. Прошло два с половиной века, а его детище — почти без изменений, только в изящном цейлонском исполнении — стояло в чреве разведчика, чтобы корабль мог сам нарабатывать детонационный заряд антивещества в любой дикой системе, где нет ни верфей, ни цивилизации. И судя по ровному пощелкиванию дежурных реле, генератор был абсолютно цел.

Рядом с его собственным изобретением, на четырех массивных магнитных демпферах, парил второй агрегат — монолитный, абсолютно гладкий цилиндр из темного, поглощающего свет композита размером с винный бочонок. На его глухой матовой броне не виднелось ни единого болта, ни технологического люка. Только тонкая вязь иероглифов и заводская маркировка, вытравленная по окружности серебром:

АНКОКУ БУССИЦУ РИАКУТА // СЕРИЯ-Ц-ЭКСП // ЗАВ. № 0418

Орфей моргнул. В глубине его правого глаза, хранившего холодную искру Гиннунгага, шевельнулась острая, ледяная игла, ударившая неприятной резью. Он увидел то, чего не могли зафиксировать оптические сенсоры: воздух вокруг черного цилиндра не был горячим, но само трехмерное пространство вокруг него странно натягивалось, провисая к центру монолита, будто на тончайшую ткань положили бесконечно плотный груз. А рядом, в гнездах бронированной кассеты на переборке, ровно и невозмутимо тлели зелеными диодами три цилиндрических пенала размером с термос.

— Что это за второй контур?... — тихо, почти благоговейно спросил Орфей. — Генератор антиматерии для накачки пушек я вижу, это старая фобосовская схема. Но что сжимает метрику внутри этого черного цилиндра?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.